

героев Поройкова). Писатель стремится сказать многое на малом пространстве прозы. И ему это удается.

Ксения Бродер.

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЯН. Вечернее чудо. Стихи разных лет. Ереван. «Советакан грох». 1988. 181 стр.

Стихи, вошедшие в «Вечернее чудо», писались на протяжении четверти века. В нихлюдно: тут друзья, недруги, женщины, студенты, коллеги, наконец, просто прохожие — все те, кого Григорьян величает «сограждане мои, согорожане».

Обстоятельность, диктующие поэту стихи, будничны, герои негероичны, отношение к собственной персоне окрашено иронией, интонация подчас шутейна («смягчим повествование юморком») и никогда не надрыжна — стихи между тем пронизаны серьезной мыслью и вопреки внешней непритязательности глубоки: «Если быт испытать пониманьем, бытованье войдет в бытие!» Намерения поэта двойки: с одной стороны, «все снизить, заземлить», чтобы, накрепко повязанный с бытом и обиходом, стих не витал в эмпиреях, с другой — поднять будничную жизнь до уровня судьбы, жребия: «Оттого не смолкает небесная арфа — возвышает, взывает, влечет, что в убогом углу хлопотливая Марфа подметает, стирает, печет».

Когда поэт уверенно стоит на почве реальности, ему дается не только острота зрения, но и точность прозрения. В том числе и социального. Лет двадцать назад ростовчанин Л. Григорьян напечатал в «Литературной Армении» стихотворение, содержавшее однозначную формулу тогдашних — достаточно прикровенных — общественно-политических перемен: «Смещение жизни в сторону зимы». Затяжная эта зима лишь недавно пошла на потепление. Странная все ж таки вещь стихи. Звучат отвлеченно, а на поверку — конкретнее и не сказать. Когда-то Григорьян написал о чужой крови, недобро волнующей упырей всех времен: «Так повелось: сначала душу вынем, а там пускай докажет, что невинен». Теперь, после Сумгаита, это стихотворение внезапно обнажило свою горькую и несомненную злободневность.

«Вечернее чудо» рисует нам облик скромного и улыбчивого ростовчанина, тянущегося к армянским корням и дорожающего российским духовным родством. Но трезвость взгляда неизбежно требует от этого мягкого и уступчивого человека: или — или. Сознывая, что к чему на грешной этой земле, можно приспособиться и подловчиться — примеров тому несть числа, — а можно жестко определить для себя нравственный кодекс, в котором на первое место выходит одиннадцатая заповедь: не предавай! Не предавай, когда изменить принципам уже не считают зазорным, храни внутреннюю обособленность и свободу, лелей и оберегай ее, тверди про себя: «Стыдно, оттого что стадно». Так — у Григорьяна. При этом его готовность не поступаться честью и платить за свой выбор любую цену давно и до конца осмыслена. «Я знаю, — говорит

он, и пауза между соседними строками исполнена убежденности и потому весома, — за что собою заплачу».

Но нельзя же в самом деле жить, поминутно видя перед глазами Голгофу. Что ж, учи студентов латыни, бегай в столовку, пиши письма, принимай в небогатом своем доме друзей... Последнее выделим особо. Друг, дружба — особая у Григорьяна статья. Он безжалостен, когда выставляет себе отметки за то, как жил и что сделал: «В общем, неуды, максимум — тройки». Однако есть на мрачноватом этом фоне отдушина, и автор, право слово, не льстит себе, констатируя: «Но по дружеству — твердое пять». У него нет деклараций или проповедей о дружбе, говоря строго, у него нет даже стихов о друзьях, но без этого неизбывного, всюду и во всем разлитого мотива книга разом утратила бы свою одушевленность. Что такое для Григорьяна дружба — об этом маленький и воистину берущий за душу цикл, обращенный к незабвенному Виталию Семину, ближайшему на протяжении десятилетий другу поэта.

Коль скоро зашла речь об отдушниках, упомянем напоследок еще одну — надежду, которой автор никогда, кажется, не терял и которая отозвалась в названии его книги. «Вечернее чудо» не что иное, как встреча с ангелом-хранителем. Если тебе на долю выпали арест отца, оккупация, наветы, травля, смерть друга и еще много чего, а ты и в пору беспросветного безвременья ни единой строкой или жестом не уронил себя, так, может статься, он и впрямь не выдумка, небесный твой страж. Поэт надеется. На то он и поэт.

Георгий Кубатьян.

ИСТОРИКО-АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИС-СЛЕДОВАНИЯ. Выпуск XX. Минувшее, современность, прогнозы. Ответственный редактор А. А. Гурштейн. М. «Наука». 1988. 416 стр.

Вселенная и человек... На этой вековой проблеме сфокусированы статьи, эссе, заметки авторов сборника. Органическая включенность пишущих в предмет исследования придает многим помещенным здесь материалам не только философскую глубину, но и своеобразный, я бы сказал, поэтический аромат.

Вот, к примеру, интереснейшая подборка материалов, посвященных выдающемуся советскому ученому Кириллу Павловичу Флоренскому (1915—1982). Мне приходилось многократно встречаться с К. П. Флоренским на протяжении нескольких последних лет его жизни, и могу засвидетельствовать, что не только удивительной для нашего времени широтой научных интересов (геология, геохимия, биогеохимия, метеоритика, космохимия, планетология, история науки...), но даже внешне он очень походил на своего великого учителя академика В. И. Вернадского. А в особенности — чертами своего характера: мягким, дружелюбным отношением к людям, терпимостью к чужому мнению (чего нам временами теперь так недостает) и, конечно же, безоголосной

влюбленностью в науку. Как и его учитель, Флоренский питал склонность к разнообразным гуманитарным вопросам. Стоит напомнить здесь, в частности, сколько усилий приложил он к сохранению памятников культуры. Об этой сравнительно малоизвестной стороне деятельности Флоренского рассказывается в очерке Л. В. Баландиной. В статьях и очерках академика А. Л. Яншина, доктора геолого-минералогических наук В. П. Волкова и других авторов рассказывается о жизненном и творческом пути Флоренского, вкладе его в разрешение проблемы тунгусского метеорита, в создание нового научного направления — сравнительной планетологии. В очерке доктора геолого-минералогических наук П. В. Флоренского (племянника К. П. Флоренского) «На пути к ноосфере» широко используются интереснейшие материалы из семейного архива Флоренских — письма Кирилла Павловича и его отца, выдающегося русского ученого-энциклопедиста и философа-космиста П. А. Флоренского, В. И. Вернадскому.

Читатель найдет много интересного в очерках и статьях сборника, рассматривающих те или иные вопросы на стыках наук. Но и на этом богатом и разнообразном фоне выделяется, на мой взгляд, сравнительно небольшое по объему, но оригинальное по замыслу и исполнению исследование кандидата исторических наук О. М. Рапова «Комета Галлея и датировка крещения Руси». Опираясь на византийские, русские, арабские и армянские источники и привлекая астрономические сведения о комете Галлея 989 года, автор устанавливает хронологическую последовательность событий: 988 год — крещение князя Владимира; 989 год — осада Владимиром Херсонеса; 990 год (1 августа) — массовое крещение киевлян...

За более чем семидесятилетний период своего существования советская астрономия прошла славный путь. Но были, к сожалению, в истории отечественной астрономии страницы, которые иначе как черными не назовешь. Долгое время в нашей печати замалчивались факты репрессий в отношении многих ученых-астрономов. «Фигура умолчания» наложила свою печать, к примеру, на статью академика А. А. Михайлова (1888—1983) и члена-корреспондента АН СССР О. А. Мельникова (1912—1982), подготовленную авторами в застойные 70-е годы и впервые частично опубликованную в рецензируемой книге.

Припоминаю, как около двух десятилетий назад меня познакомили с хранящейся в Архиве АН СССР копией письма, направленного учеными Г. А. Шайном и С. И. Вавиловым в 1938 году генпрокурору СССР А. Я. Вышинскому по «делу» большой (несколько десятков человек) группы советских астрономов, главным образом сотрудников Пулковской обсерватории, репрессированных в 1936—1937 годах. Авторы письма отмечали, что несправедливому аресту подверглись ученые, далекие от политики, в большинстве своем получившие широкое признание в мировой научной среде, что их искусственное изъятие из сообщества советских астрономов тяжелейшим образом скажется как на развитии отечественной астрономии, так и на ее международном ав-

торитете. В письме действия властей квалифицировались как подлинный разгром советской астрономической науки. А начиналось все с вещей на первый взгляд совсем (или почти совсем) безобидных — об этом рассказывает помещенная в сборнике статья кандидата физико-математических наук В. А. Бронштэна («Журнал «Мироведение» в московский период (1930—1937 гг.)»). Как справедливо отмечается в кратком редакционном предисловии к статье, «отдельные этапы развития советской астрономии остаются исследованными еще совершенно недостаточно. Подобные пробелы должны быть восполнены... в условиях гласности не должно быть места умолчанию о моментах в истории науки, трудных и противоречивых. Серьезный анализ многих из них, нуждающийся в обращении к архивам и документам, потребует времени и является делом будущего».

Серия «Историко-астрономические исследования» давно и по праву завоевала себе признание, прежде всего среди специалистов: астрономов и космологов, историков науки... Думается, что двадцатый выпуск серии привлечет особенно широкий круг читателей.

И. Мочалов,
доктор философских наук.

О. Л. ДУБОВИК, А. Э. ЖАЛИНСКИЙ.
Причины экологических преступлений. М.
«Наука». 1988. 240 стр.

С позиций общечеловеческой морали (но пока отнюдь не права) неконтролируемое, чреватое катастрофами развитие цивилизации квалифицируется теперь во всем мире как безнравственное и преступное. Такие сдвиги в общественном сознании достигнуты в последние годы благодаря самоотверженным усилиям прогрессивно мыслящих ученых, литераторов, политических деятелей.

Где искать истоки экологической преступности, в чем заключаются и как взаимодействуют причины экологических преступлений, по каким направлениям следует проводить профилактику эколого-правовых нарушений — всем этим вопросам посвящена монография О. Л. Дубовик и А. Э. Жалинского.

Книга, как, впрочем, и большинство других публикаций по охране природы, наводит на грустные размышления.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист...

Увы, не только не пропали, но и продолжают усердно пылить и копытить в масштабах, не сопоставимых с мерками есенинской поры. Можно ли перечислить поселки, города и целые регионы страны, в которых сложилась обстановка, расцениваемая как экологически криминогенная? Несколько десятилетий назад высказывал тревогу за судьбу русского леса Леонид Леонов, а многое ли изменилось с тех пор в системе заготовок древесины и охраны леса, и если изменилось, то в какую сторону — к лучшему